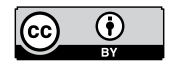
Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/OECVDR
УДК 821.161.1.0+83
ББК 83.3(2Рос=Рус)6+83

50 ЛЕТ С ПЛАТОНОВЫМ

© 2025 г. Р. Чандлер
*Университет Квин Мэри,
Лондон, Великобритания*
Дата поступления статьи: 22 октября 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 26 ноября 2024 г.
Дата публикации: 25 марта 2025 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-54-65

Аннотация: В центре статьи — история знакомства автора с творчеством Андрея Платонова и работы по переводу на английский язык его произведений, которая продолжается 50 лет и включает большую часть наследия писателя, от сказок до романа «Чевенгур». Автор рассказывает о тех людях, с которыми его сблизила и подружила эта работа; о восприятии англоязычными читателями произведений Платонова; о своем первом впечатлении от необычного стиля писателя и о неизменной позитивной доминанте его творчества, которая поражает больше всего — стремлении вернуть эмоционально и физически искалеченных людей в состояние целости, подарить потерянным и отчужденным чувство принадлежности к чему-то большому, позволить им создать семьи и образовать общность с другими людьми. Эту сторону платоновского творчества автор статьи иллюстрирует примерами из разных произведений писателя: сказки «Безручка», рассказов «Такыр» и «Возвращение», повести «Джан», романа «Чевенгур» и др. Особую тему статьи представляет анализ различных образов в произведениях Платонова, которые можно соотнести с ним самим, — своего рода автопортрет.
Ключевые слова: Андрей Платонов, русская литература, стиль, перевод, автопортрет.
Информация об авторе: Роберт Чандлер — переводчик, почетный член Университета Квин Мэри, Лондон, Великобритания.
E-mail: rc@transteffi.com
Для цитирования: *Чандлер Р.* 50 лет с Платоновым // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 1. С. 54–65. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-54-65

Studia Litterarum,
vol. 10, no. 1, 2025

50 YEARS WITH PLATONOV

© 2025. Robert Chandler
Queen Mary University of London, London, United Kingdom
Received: October 22, 2024
Approved after reviewing: November 26, 2024
Date of publication: March 25, 2025

Abstract: The article's main theme is the author's personal story of how he first came to know the work of Andrei Platonov, and how he then went on, in the course of 50 years, to translate into English a large part of Platonov's legacy, beginning with his retellings of traditional folktales (skazki) and ending with the novel *Chevengur*. The author talks about his own first impression of the writer's unusual style, the people he met through translating Platonov and the perceptions of Platonov's Anglophone readers. Above all, the author focusses on the centrality, throughout Platonov's oeuvre, of the aspiration to restore the emotionally and physically crippled to a state of wholeness, to give the lost and alienated a sense of belonging to something greater, to allow them to create families and a sense of community with others. The author illustrates this with examples from a variety of Platonov's works; among these are the skazka "No-Arms," the short stories "Takyr" and "The Return," the short novel *Soul* (*Dzhan*), and *Chevengur*. The author also draws attention to various moments in Platonov's work that can be seen as self-portraits.
Keywords: Andrei Platonov, Russian literature, pen, translation, self-portraits.
Information about the author: Robert Chandler, Translator, Honorary Research Fellow, Queen Mary University of London, London, United Kingdom.
E-mail: rc@transteffi.com
For citation: Chandler, R. "50 Years with Platonov." *Studia Litterarum*, vol. 10, no. 1, 2025, pp. 54–65. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-54-65 (In Russ.)

Прошло пятьдесят лет с момента, когда я впервые начал переводить Андрея Платонова. Размышляя над этой статьей, я осознал, что признателен ему в первую очередь за множество людей — настоящих и придуманных — которых он впустил в мою жизнь.

Впервые я столкнулся с текстами Платонова в 1974 г., когда год провел в Воронеже как участник академического обмена, организованного Британским Советом. Тамошний приятель дал мне почитать советское издание, вышедшее в 1960-е гг. Стиль привел меня в некоторое замешательство, но я сразу почувствовал, что имею дело с чем-то исключительным и надо почитать еще. Вернувшись в Англию, я немедленно заказал экземпляры его двух великих произведений — романа «Чевенгур» и повести «Котлован». Я также добрался до небольшого собрания платоновских версий русских народных сказок, которые он опубликовал в конце 1940-х гг. Они меня сразу же очаровали.

В основном Платонов держится близко к источникам, лишь добавляя яркие и остроумные подробности — но в одной из сказок, «Безручка» (No-Arms) [4], он позволяет себе большую степень свободы. Этот мини-эпос заканчивается на мощной лирической ноте, апофеозом силы любви. После долгих скитаний, всевозможных непрекращающихся страданий, сыграв ключевую роль в важном сражении, спасши своего единственного сына, не поняв, кто это, героиня воссоединяется с сыном и мужем. Медленно, неуверенно, после долгих лет разлуки, все они узнают друг друга. Платонов пишет:

> Безручка хотела обнять своего мужа — целый век жила она с ним в разлуке, да вспомнила: нет у нее рук. Они у нее опять сразу отсохли,

> как она сына отстояла в бою. Однако не стерпела Безручка и потянулась к мужу. Его она всегда любила и не могла забыть. И в тот же миг, словно из сердца, выросли у нее руки, такие же сильные, как прежде были, и обняла она ими своего мужа. И с тех пор навсегда руки остались при ней [1, с. 286].

Вскоре я перевел сказку целиком, просто чтобы показывать ее английским друзьям. Это был первый перевод, который я сделал по собственной инициативе. Тут у меня возникла идея перевести еще две сказки и послать эту выборку редактору детской литературы в издательстве Faber & Faber; редакция немедленно согласилась на публикацию целой книги — шести сказок под заглавием «Волшебное кольцо».

Особого внимания книга не привлекла, но в моей жизни она сыграла важную роль, познакомив меня с двумя людьми, которые стали моими друзьями на долгие годы. Покойный Джеймс Грин, одаренный поэт и один из лучших переводчиков Осипа Мандельштама, представил меня художнику Кену Киффу (1935–2001), проиллюстрировавшему книгу. Джеймс также познакомил меня с поэтом и психоаналитиком Дэвидом Блэком, который недавно опубликовал стихотворную версию «Безручки» (вариацию на тему сказки Братьев Гримм с тем же сюжетом). Мы с Дэвидом дружим по сей день, и на протяжении последних сорока лет он неоднократно комментировал мои переводы Платонова.

Некоторые считают Платонова депрессивным автором; это неудивительно, если учесть, сколько в его текстах калек, сирот и самоубийц. Тем не менее мне он всегда представлялся писателем жизнеутверждающим. С течением времени весь корпус Платонова стал представляться мне в виде одного сюжета. Словно в начале своей карьеры, во время голода и общественного слома, он спросил себя, как вернуть эмоционально и физически искалеченных людей в состояние целости, как подарить потерянным и отчужденным чувство принадлежности к чему-то большему, позволить им создавать семьи и образовывать общность с другими людьми. Платонов был слишком добросовестным мыслителем и художником, чтобы удовлетвориться поверхностным ответом. И все же — после мрачных произведений конца 1920-х гг. — в его творчестве, от книги к книге, можно увидеть последовательное движение к целостности, к исцелению.

Герой «Чевенгура» (1927–1929) не может построить прочных отношений со своей первой любовью и в буквальном смысле идет по стопам отца, утонувшего в озере, «в поисках той дороги, по которой когда-то прошел отец в любопытстве смерти» [3, с. 342] двадцать лет до этого. «Река Потудань» (1937) — первое произведение Платонова, в котором мужу и жене удается остаться вместе, после того, как они спасли друг друга от суицидальных порывов. В «Возвращении» (1946) вместе остается целая семья, хотя и не без труда. А «Безручка» (1947), как мы видели, заканчивается трогательным гимном силе любви.

***

Покойный критик и филолог Виталий Шенталинский однажды сказал мне, что по-настоящему великий писатель — это такой писатель, который принес в мировую культуру образ, опознаваемый даже людьми, не читавшими ничего из его произведений. Платонов, по его мнению, как раз такой писатель, потому что он «нас, русских, показывает как народ-сироту, которого революция лишила и Матери-Земли, и Отца Небесного»[1]. Когда Шенталинский это сказал, я вспомнил отрывок из «Чевенгура», реплику, с которой сердитый крестьянин обращается к фанатичному большевику:

> — Оттого вы и кончитесь, что сначала стреляете, а потом спрашиваете, — злобно ответил кузнец. — Мудреное дело: землю отдали, а хлеб до последнего зерна отбираете: да подавись ты сам такой землей! Мужику от земли один горизонт остается. Кого вы обманываете-то? [3, с. 134].

Этот крестьянин появляется только один раз и ненадолго, но часто именно второстепенные персонажи ясно выражают мысли самого Платонова. К завершению Гражданской войны русскому народу и вправду ничего

1 В разговоре на «Радио Свобода» В. Шенталинский формулирует это так: «В “Чевенгуре” он показывает нового героя, народ-сироту, “лишенного Земли-матери, отторгнутого революцией от человека, революцией-мачехой взамен матери, и лишенного отца — Бога”» (*Шенталинский В.* Выступление на радиостанции «Радио Свобода». URL: https://www.svoboda.org/a/24480506.html (дата обращения: 20.08.2024)). «Радио Свободная Европа / Радио Свобода (РСУ/РС)», регистрационный номер 827418, на основании статьи 6 Закона Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» 05.12.2017 г. включено в Реестр иностранных агентов в России.

не оставалось, кроме горизонта — отступающей границы света, сверкающего *безместия* (как буквально переводится слово «утопия») — и паутины видений, которую можно сплести из слов.

***

Образ народа-сироты запечатлелся в моем сознании на долгие годы. Многие персонажи Платонова тоже стали частью моего внутреннего мира. «Чевенгур» (Chevengur) [5] начинается незабываемым описанием странствующего ремесленника, человека, который, подобно самому Платонову, как бы живет на границе двух очень разных миров — мира русского крестьянства и нового мира, представленного городами, механизмами, паровозами.

> Есть ветхие опушки у старых провинциальных городов. Туда люди приходят жить прямо из природы. Появляется человек — с тем зорким и до грусти изможденным лицом, который все может починить и оборудовать, но сам прожил жизнь необорудованно [3, с. 7].

Выбитый из колеи неожиданной смертью временного товарища, Захар Павлович поселяется в Воронеже и находит работу в паровозном депо. На некоторое время его это завораживает: «Захару Павловичу представился новый искусный мир — такой давно любимый, будто всегда знакомый, — и он решил навеки удержаться в нем» [3, с. 19].

В конце концов его настигает разочарование. Встреча с молодым нищим убеждает его, что никакая машина никогда не разрешит проблему людского страдания.

В молодости Платонов недолго работал помощником машиниста. Наблюдать за поездами он любил до конца жизни. Я не думаю, что есть еще какой-то писатель, описавший восторг ранней железнодорожной эпохи так ярко и при этом с таким трезвым пониманием.

***

Одно из самых лирических произведений Платонова — повесть 1935 г. «Джан» (Soul) [6], действие которой происходит главным образом в советском Туркменистане 1930-х гг. Во второй главе мы встречаемся

с Назаром, маленьким мальчиком. Это — голодное время; мать, не в силах видеть, как он медленно умирает от голода, бросила Назара.

> Назар стоял на краю темной земли, павшей вниз; далее начиналась песчаная пустыня, более счастливая и светлая, и среди песчаных покойных бугров даже в тихое время, в тот исчезнувший детский день, ютился мелкий ветер, бредущий и плачущий, изгнанный издалека. Мальчик прислушался к этому ветру и повел глазами за ним, чтобы увидеть его и быть с ним вдвоем, но не увидел ничего, и тогда он закричал. Ветер пропал от него, никто не отозвался. <…> Шершавый куст — бродяга, по-русски — перекати-поле, без ветра склонялся и перекатывался по песку, уходя отсюда мимо. Куст был пыльный, усталый, еле живой от труда своей жизни и движения; он не имел никого — ни родных, ни близких, и всегда удалялся прочь. Назар потрогал его ладонью и сказал ему: «Я пойду с тобой, одному мне скучно,— ты думай про меня что-нибудь, а я буду про тебя. А с ними я жить не хочу, они мне не велели, пускай сами умрут!» — он погрозил тростниковой палкой на родину и забывшей его матери.
>
> Назар пошел за кустом перекати-поля и шел до самой тьмы. Во тьме он лег и уснул от слабости, трогая куст рукой, чтоб он остался с ним. Наутро он проснулся и сразу испугался, что нет с ним куста: он укатился один ночью. Назар хотел заплакать, но увидел, что куст шевелился сейчас на верху ближнего песчаного холма, и мальчик догнал его. <…>. В тот день бредущий куст довел Назара до овечьего пастуха, и пастух напоил мальчика и накормил, а куст его привязал к палке, чтобы он тоже отдохнул. Долгое время Назар ходил с пастухом и жил у него, пока не выпал снег, тогда хозяин отпустил пастуха по делам в Чарджуй, потому что пастух стал слепнуть, и пастух отправился с мальчиком, а в городе отдал его советской власти, как не нужного никому [2, с. 121].

Этот отрывок важен для меня в связи с давним разговором с моей подругой Розмари Дэвис, психоаналитиком. Она видела в этом пассаже изображение фрейдовского принципа «свободных ассоциаций». Если вы эмоционально потеряны, лучше всего последовать за первой же мыслью, которая придет вам в голову, как Назар идет за кустом перекати-поля. Следуйте своим мыслям, сколь угодно случайным и дурацким на первый взгляд, и со

временем они приведут вас туда, куда вам нужно было прийти. Во второй половине повести «Джан» образ Назара вырастает. Он становится эпическим героем, Моисеем XX в. Как и Моисей, тоже когда-то брошенный матерью, Назар в конце концов ведет свой потерянный народ обратно на родину.

Когда я впервые прочитал «Джан» — пятьдесят лет назад в Воронеже — мне показалось, что эта повесть сродни какому-то древнему религиозному тексту: это отчасти эпос, отчасти молитва, отчасти философский трактат. Сейчас я понимаю, что мое первое впечатление было на удивление верным.

***

На протяжении десятилетий и советские диссиденты, и западные филологи считали самоочевидным, что самые значительные труды Платонова — это «Чевенгур» (Chevengur) [5] и «Котлован» (The Foundation Pit) [7], ранние романы, пронизанные самой едкой платоновской сатирой и самой сложной языковой игрой. Лишь недавно пришло понимание, что его более спокойные и на первый взгляд более простые произведения последних пятнадцати лет жизни не менее глубоки, а возможно, и не более прямолинейны. Один из платоновских шедевров — рассказ «Возвращение» (The Return) [6]. При публикации в 1946 г. этот рассказ о трудном возвращении гвардии капитана с войны яростно критиковали в советской печати. Сегодня история эта не кажется особенно противоречивой — но все-таки в ней нет ноты героического оптимизма, которая в те годы обязательно должна была сопровождать любое упоминание о великой сталинской победе.

Вернувшись домой, гвардии капитан Иванов испытывает замешательство и гнев. После напряженного ночного разговора с женой, Любовью Васильевной, он решает оставить семью и начать новую жизнь с Машей, девушкой, которую встретил по дороге домой. Утром он садится на поезд, но, когда поезд отходит, он видит, что по направлению к железнодорожной ветке бегут двое детей. Хотя он не сразу понимает, что это *его* дети, что-то происходит в его душе, и он выпрыгивает из вагона. Как Захар Павлович, как некоторые другие герои Платонова, Иванов отказывается от надежды, что поезд отвезет его к другой, лучшей жизни. Он понимает, что нет ничего драгоценнее жизни, которая ему уже дана.

«Возвращение» — отчасти рассказ о страхе покинутости. Каждый персонаж чувствует это. Сначала мы узнаем, что Иванов чувствует себя «осиротевшим» без армии. Придя домой, Иванов так долго обнимает жену, что его пятилетняя дочка пугается. Потом он снова чувствует покинутость, потому что Люба, как он предполагает, ему изменила, а одиннадцатилетний Петя принял на себя все его функции в домашнем хозяйстве. Ночью Петя слышит, как ссорятся родители; он упрекает их, чувствует себя отвергнутым и потом тоже срывается в плач. Эта цепочка ощущений — отверженности, покинутости — завершается тем, что Иванов отправляется на станцию.

Текст Платонова построен так тонко, что читатель в равной степени может отождествиться с любым из трех основных персонажей. Одна моя коллега не сомневалась, что главная героиня тут Люба: ее впечатлило, как хорошо Платонов понимает, «каково женщине иметь дело с непонимающим мужчиной». Многие читатели считают главным героем самого Иванова и восхищаются умением, с которым Платонов показывает сложности, с которыми столкнулись в 1945–1946 гг. миллионы солдат, стараясь снова найти свое место в изменившемся до неузнаваемости мире. Я знаю одного читателя, еврея, который не сомневается в том, что главный герой тут Петя. Этот читатель в войну в Польше прятался в лесу, и для него рассказ оказался «о мальчике, который, подобно мне, был вытолкнут в преждевременную взрослую жизнь».

Платонов не верил в искусство для искусства. Он хотел, чтобы его труды были для людей хлебом насущным, чтобы они помогали им в повседневной жизни. «Возвращение» — мудрый, нежный и, несмотря ни на что, оптимистический текст; есть какая-то ирония в том, что из-за него Платонов в результате был почти полностью вытеснен из советской литературной жизни.

***

Переводчик, по сути дела, живет со своим писателем общей жизнью на протяжении нескольких месяцев, а то и лет. Есть писатели, которыми я восхищаюсь, но переводить их не готов: долгое время, проведенное в их мире, ввергло бы меня в депрессию. Но мир Платонова широко раскрыт, и 1990-е гг. и начало нулевых были открытым и интереснейшим временем для филологов, занимающихся творчеством Платонова. Я посещал многие

платоновские семинары и конференции в Москве, Петербурге, Воронеже и подружился с несколькими российскими учеными, которых там встретил. Я благодарен Платонову за то, что он позволил мне познакомиться с этими людьми, — благодарен в первую очередь за то, что у меня была возможность приблизиться к нему самому. Вряд ли кто может знать писателя ближе, чем переводчик, от которого требуется внимательное, вдумчивое, одухотворенное чтение текста.

Один из самых ярких автопортретов Платонова можно найти в рассказе «Родина электричества», опубликован в 1939 г. (Motherland of Electricity) [6]. В 1921 г., потрясенный засухой и голодом, которых не случалось уже тридцать лет, Платонов бросает литературу и работает в комиссии по гидрофикации. «Родина электричества» основана на его опыте тех лет. Разные стороны платоновской натуры воплощены в двух центральных персонажах — Жаренове, деревенском делопроизводителе-визионере, который говорит и пишет страстным стихом, и в разумном, практичном инженере-рассказчике.

«Родина электричества» живописует русскую деревню во времена великого отчаяния и больших надежд. Рассказ полон юмора, но пронизан глубоким состраданием; сострадание рассказчика распространяется и на Жаренова, и на старушку, которая молится о дожде Богу, в которого больше не верит, и на всех прочих обитателей нищей деревни. Может быть, трогательнее всего сострадание Платонова к себе самому в юности. В рассказе есть такие слова: «Я попрощался с нею, поцеловал ее в лицо и решил посвятить ей свою жизнь, потому что в молодости всегда кажется, что жизни очень много и ее хватит на всех старух» [2, с. 530].

Русские читатели любят говорить, что Платонова невозможно перевести. Мне-то кажется, что его гениальность обладает такой силой, что англоязычный читатель почувствует это после прочтения лишь нескольких предложений. Вот короткий отрывок из рассказа 1934 г. «Такыр» (Takyr) [6] — я читал его перевод несколько раз на разных мероприятиях, и меня неизменно благодарили за такую прекрасную «поэзию»:

> Заррин-Тадж села на один из корней чинары <...> и заметила еще, что на высоте ствола росли камни. Должно быть, река в свои разливы громила чинару под корень горными камнями, но дерево въело себе в тело те огром-

ные камни, окружило их терпеливой корой, обжило и освоило и выросло дальше, кротко подняв с собою то, что должно его погубить [2, с. 290–291].

Этот образ можно считать автопортретом Платонова. Я не думаю, что таково было авторское намерение, но он хорошо отражает цепкость и жизнестойкость самого писателя. Как чинара, он умел «въесть» то, что прилетало в его сторону, и «вырастать дальше».

***

В заключение я бы хотел вспомнить одну из платоновских детских сказок, «Две крошки» (Two Crumbs) [8]. Хлебная крошка и пороховая крошка застревают в бороде у охотника и спорят, кто из них сильнее и страшнее. Хлебная крошка в конечном счете побеждает: охотник съедает ее, и она таким образом воссоединяется с человеком, а пороховая крошка вспыхивает внутри неосторожного воробья, который ее склевал. «Печеный воробей» падает на землю, и охотник отдает его своей собаке.

Это была последняя прижизненная публикация Платонова. После того, как сказка была напечатана в 1948 г. в «Пионерской правде», «Правда» — главная газета страны — осудила писателя за «дешевый пацифизм».

Перевод с английского Виктора Сонькина

Список литературы

1 *Платонов А.* Собрание. Сухой хлеб: Рассказы, сказки. М.: Время, 2011. 416 с.

2 *Платонов А.* Собрание. Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы. М.: Время, 2010. 624 с.

3 *Платонов А.* Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 3: 1927–1929. Чевенгур. Роман. 720 с.

4 *Chandler R.* Russian Magic Tales from Pushkin to Platonov. London: Penguin Classics, 2012. 496 p.

5 *Platonov A.* Chevengur. New York: New York Review Books, 2024. 592 p.

6 *Platonov A.* Soul and Other Stories. New York: New York Review Books, 2007. 400 p.

7 *Platonov A.* The Foundation Pit. New York: New York Review Books, 2009. 224 p.

8 *Platonov A.* The Return. London: Harvill, 2009. 240 p.

References

1 Platonov, Andrei. *Sobranie. Sukhoi khleb: Rasskazy, skazki* [*Collection. Dry Bread: Stories, Fairy Tales*]. Moscow, Vremia Publ., 2011. 416 p. (In Russ.)

2 Platonov, Andrei. *Sobranie. Schastlivaia Moskva: Roman, povest', rasskazy* [*Collection. Happy Moscow: Novel, Story, Short Stories*]. Moscow, Vremia Publ., 2010. 624 p. (In Russ.)

3 Platonov, Andrei. *Sochineniia* [*Works*], vol. 3: 1927–1929. Chevengur. Roman [1927–1929. Chevengur. Novel]. Moscow, IWL RAS Publ., 2021. 720 p. (In Russ.)

4 Chandler, Robert. *Russian Magic Tales from Pushkin to Platonov*. London, Penguin Classics, 2012. 496 p. (In English)

5 Platonov, Andrei. *Chevengur*. New York, New York Review Books, 2024. 592 p. (In English)

6 Platonov, Andrei. *Soul and Other Stories*. New York, New York Review Books, 2007. 400 p. (In English)

7 Platonov, Andrei. *The Foundation Pit*. New York, New York Review Books, 2009. 224 p. (In English)

8 Platonov, Andrei. *The Return*. London, Harvill, 2009. 240 p. (In English)